

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

6

ЧАСТЬ I

THE BEAUTIFUL ONES

69

ЧАСТЬ II

ДЛЯ ТЕБЯ

149

**ЧАСТЬ III
ДИСКУССИЯ
195**

**ЧАСТЬ IV
BABY IM A STAR
233**

**ЗАМЕТКИ
И СПРАВОЧНИК
К ФОТОГРАФИЯМ
283**

ВВЕДЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ РАЗ Я РАЗГОВАРИВАЛ С ПРИНCEM

в воскресенье, 17 апреля 2016 года, за четыре дня до его смерти. В ту ночь я лежал в кровати, когда мой телефон завибрировал и на экране отразился код города «952». Он никогда не звонил мне на сотовый, но я сразу понял, что это был он. Я дотянулся до ручки и бумаги и подключил свой телефон к зарядному устройству — батарейка почти села. Но провод для зарядки был всего в фут длиной, поэтому я не мог говорить по телефону стоя. Наш последний разговор я провел, скрючившись в углу своей спальни, делая заметки на бумаге, что лежала на полу.

«Привет, Дэн, — сказал он, — это Принс». Много писалось о голосе Принса — о его бархатной наполненности. Он мог быть пронзительным и в то же время низким. Нигде этот парадокс не был так очевиден, как в этом простом приветствии: «Привет, Дэн. Это Принс». Он всегда говорил так. «Хотел сказать, что я в порядке, — продолжил он, — несмотря на то что пресса хочет, чтобы вы верили в обратное. Ты знаешь, им приходится все преувеличивать».

У меня была идея. Через месяц, прошедший с тех пор как Принс объявил, что «его брат Дэн» помогает ему в работе над мемуарами. И я узнал, что будучи белым и на двадцать восемь лет моложе — буквально как брат для него. Но теперь новости были другого масштаба. Несколькими днями ранее самолет Принса совершил вынужденную посадку после вылета из Атланты, где он только что закончил то, что должно было стать его последним выступлением, частью поискового, созерцательного сольного тура, который он назвал Piano & A Microphone. Его госпитализировали в городе Молин, штат Иллинойс, якобы для лечения тяжелой формы гриппа.

Через несколько часов после того, как история вспыхнула на TMZ, Принс, находясь в Пейсли Парк в Шанхассене, штат Миннесота, написал в твиттере, что он слушает свою песню Controversy, которая начинается так: «Я просто не могу поверить во все то, что говорят люди». Подтекст такой: он был в порядке. Некоторые жители Шанхассена видели его катающимся на своем велосипеде. И вечером, перед тем как позвонить мне, он устроил танцевальную вечеринку в своем личном концертном павильоне, используя эту возможность, чтобы похвастаться своими новыми пурпурными инструментами, гитарой и пианино. «Подождите пару дней, прежде чем тратить молитвы впустую», — сказал он толпе.

«Я волновался, но увидел в твиттере, что все хорошо, — сказал я ему. — Мне было грустно слышать, что у тебя грипп».

«У меня были симптомы, как при гриппе», — сказал он. — «У меня голос охрип». До сих пор в моей памяти эта фраза звучит так, будто он восстанавливался от ужасной простуды. Но ему не хотелось терять время на эту тему. Он позвонил, чтобы поговорить о книге.

«Я хотел спросить, веришь ли ты в клеточную память?» — он говорил об идее, что нашим телам достается память наших родителей — наследуется жизненный опыт. «Я думал об этом, потому что читал Библию, —

Много писалось о голосе Принса — о его бархатной наполненности. Он мог быть пронзительным и в то же время низким.

Он был полон благоговейного трепета и пронизательности по отношению к своим матери и отцу, к тому, как он воплощал их союз и разобщение.

объяснил он. — Грехи отцов. Как это было бы возможно без клеточной памяти?»

Эта идея нашла отклик и в его собственной жизни. «У моего отца было две семьи. Я был второй, и он хотел стать лучше со мной, чем с первым своим сыном. Поэтому он был очень методичен, но это не нравилось моей маме. Она любила спонтанность и суматоху».

Принс хотел объяснить то, как он стал синтезом своих родителей. Их конфликт жил в нем самом. В их диссонансе он уловил странную гармонию, которая вдохновила его творить. Он был полон благоговейного трепета и пронизательности по отношению к своим матери и отцу, к тому, как он воплощал их союз и разобщение.

«Столкновение с этим — это одна из главных дилемм моей жизни, — сказал он мне, пока я все записывал, сидя на полу. — Я люблю порядок, завершенность и правду. Но если я нахожусь на элегантно званом обеде и диджей ставит что-нибудь из фанка...»

«Ты просто обязан будешь станцевать», — сказал я.

«Именно. Вот, послушай, — он поднес телефон к студийному монитору и проиграл что-то такое, что звучало лихо и просто, как домашняя вечеринка несколько десятков лет назад. — Это весело, правда? Это из нового альбома Джудит Хилл. Впервые его слушаю».

Примерно минуту он молчал. «Мы должны подобрать подходящее слово, — сказал он, — что же такое фанк».

ПОИСКИ ЭТОГО СЛОВА

в то время все никак не шли у Принса из головы. Его ремарки для публики во время шоу Piano & A Microphone часто приводили к размышлениям об основах фанка. «Про-

странство между нотами — это отличная идея, — говорил он. — Чем длиннее пространство — тем больше это смахивает на фанк. Или, наоборот, не является им совершенно». Объяснение этих мыслей является частью того, что в первую очередь заставило его захотеть написать книгу.

Принс опубликовал несколько фотокниг, и он так и будет лелеять идею чего-то более существенного в некоторые из моментов своей карьеры. Зарождение этого проекта произошло в конце 2014 года, когда его менеджер и адвокат Федра Эллис-Ламкинс искала литературного агента, чтобы представлять Принса. Принс выбрал Эстер Ньюберг из агентства талантов ICM Partners. Она представляла его друга Гарри Белафонте, и ему нравилась ее старомодная восприимчивость, к тому же она нравилась ему как женщина из патриархальной индустрии. К началу 2015 года Принсу дали добро на книгу с текстами песен с его собственными введением и аннотациями. Ньюберг и ее коллега Дэн Киршен продали идею нетерпеливым издателям, но команда Принса так и не заключила сделку, и большую часть 2015 года он отдавался музыке.

В середине ноября 2015 года Принс с новым энтузиазмом взялся за книгу. «Он хотел бы ускорить проект», — Эллис-Ламкинс написала Ньюберг. Работая с Тревором Гаем, помощником в рабочих делах, Принс, Эстер и Дэн расширили пока еще туманную идею книги. А что если она включала в себя не только написанные тексты песен, но и неопубликованные эскизы, фотографии и прочие вещи? Слово «мемуары» еще не было упомянуто в разговоре, но Принс хотел немедленно приступить к работе над проектом. Тревор предложил позвать группу редакторов в Пейсли Парк, чтобы обсудить это лично.

Написание книги совпало с внутренним переворотом в музыкальном творчестве Принса. В последние годы он путешествовал по миру со своей потрясающей группой 3rdEyeGirl, теперь же решил играть в одиночку. Он представлял себе тур, состоящий только из него одного

Написание книги совпало с внутренним переворотом в музыкальном творчестве Принса.

и пианино. Где затемненные декорации и уютный аскетизм будут дополнять музыку. Без дорогого сценического оформления и пиротехники, как на шоу, проходящих на аренах. Принимая группу европейских журналистов в Пейсли Парк, он объяснил, что ему нравится выходить на сцену без прикрас, сводить свои песни до их основных компонентов и заново изобретать их на сцене. Он практиковался до поздней ночи и часами играл в одиночестве. И звуки его пианино заполняли необъятную темноту его музыкальной сцены, пока он не нашел то, что описал как «трансцендентность». Это было то, чем он хотел поделиться.

Он забронировал даты выступлений по всей Европе, в то время как террористы атаковали Батаклан, концертный зал в Париже, в котором он играл уже три раза. Терроризм и взвинтившие цены на билеты перекупщики заставили Принса поставить крест на туре. Почему бы просто не провести шоу в Пейсли Парк? На своей территории он мог бы организовать выступление, которое бы соответствовало цене.

Когда видение Принсем Piano & A Microphone начало проясняться, его книга также начала обретать форму. По словам одного из его друзей, несколько человек, которых он любил и которыми восхищался, заболели. Это заставило его осознать, что и он смертен. Более чем когда-либо он видел определенную ценность в том, чтобы рассказать свою собственную историю. За несколько недель до первого сольного выступления, 11 января 2016 года, он пригласил трех редакторов встретиться с ним в Пейсли Парк, где он должен был объяснить свои амбиции и решить, с каким издательством он хочет работать. Встреча с несколькими конкурирующими редакторами одновременно была нетипичной договоренностью. Чего стоят только слухи, которые они распускали: не ошетинится ли он на вопросы о своем прошлом? Будет ли выгонять любого, кто использует ненормативную лексику? И требовать пожертвования в свою «банку для ругательств», за каждое бран-

По словам одного из его друзей, несколько человек, которых он любил и которыми восхищался, заболели. Это заставило его осознать, что и он смертен. Более чем когда-либо он видел определенную ценность в том, чтобы рассказать свою собственную историю.

ное слово? Это правда, что вам не разрешали смотреть ему в глаза?

Как только Принс пришел на встречу, чувство тревоги полностью исчезло. Он был очаровательным, участливым и даже самокритичным. («Я иногда болтаю о пустяках», — сказал он.) В течение следующих двух часов он вел непринужденную дискуссию о своем прошлом, музыкальной философии и своих ожиданиях от книги. Он заявил, что хочет написать мемуары — это решение он принял совсем недавно, и даже Тревор, присутствовавший на собрании, был удивлен этим. Они назывались бы «The Beautiful Ones», в честь одной из самых откровенных и трогательных песен из его репертуара.

В центре истории будет его мать, чей взгляд был «самым первым, что я увидел» и которая никогда не получала должного признания за свою роль в его успехе. Он многим поделился с собравшимися редакторами. Принс попросил свою сестру Тайку прислать ему старые семейные фотографии, в том числе фото его родителей, и генеалогическое древо. Он также отыскал оригинальную обложку 1999 года, коллаж, украшенный вырезанными изображениями телефонной будки, футуристическим горизонтом и обнаженной женщиной с лошадиной головой. И он представил первую версию сценария Dreams, который вскоре обретет название: «Пурпурный дождь».

Один из редакторов спросил Принса о написании песен. Он думал, что это было основой вдохновения. Ты пишешь о том, к чему хочешь прийти в итоге. Он рассказал группе, что в своих самых ранних воспоминаниях он писал музыку, чтобы представить и переосмыслить себя. Быть художником — это постоянная эволюция, не говоря уже о форме симбиоза с кем-то или чем-то, что окружает вас, когда вы создаете музыку. Принс создал образ почти как пророческий акт: он мог стать тем человеком, которого вообразил. Вся его жизнь была актом воображения, творчества и становления. Сегодня наличие имиджа считается довольно важным фактором для суперзвезды; для

Сегодня наличие имиджа считается довольно важным фактором для суперзвезды; для Принса же как для артиста это было неотделимо от его личности.

Принса же как для артиста это было неотделимо от его личности.

Он осознал присущую этому процессу тайну и силу ее сохранения. Или же ее дальнейшее сокрытие.

«Тайна названа тайной не просто так, — сказал он. — У нее есть цель». Правильная книга добавит новые завесы его таинственности, думал Принс, даже если это разоблачит других. Она должна была бы служить его автобиографией, но в такой форме, которая будет такой же емкой и изменчивой, как и ее автор. Никогда не уклоняясь от больших обещаний, он предложил только одно формальное руководство: это должна была быть самая большая музыкальная книга всех времен.

Встреча не имела официального завершения. В какой-то момент, отпустив шутку, Принс просто встал и ушел, унося с собой раскаты своего смеха. Минут через десять он проскользнул в комнату, не сказав ни слова о своем отсутствии. Потом он объявил, что пора ужинать, и снова исчез. Редакторы пришли в восторг — ужин с Принсем! — до того, как поняли, что они не приглашены и он больше не вернется.

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ТОЙ ВСТРЕЧИ

Принс устроил свое самое первое шоу Piano & A Microphone в Пейсли Парк, воплощая в жизнь идеи, которые он изложил несколько месяцев назад. Шоу было соткано из рассказов и осмысления песен, которые простирались от его первой пластинки For You до его самой последней, HITnRUN Phase Two. Его объяснение дало представление о том, что было у него на уме в то время. Он анализирую-

вал свое прошлое. Больше чем через год, когда я увидел пленку, я понял, как это выступление связано с его идеями для «The Beautiful Ones».

Как только Принс сел за свое пианино в тот вечер, он начал своего рода регрессию потока сознания. Вдруг он снова стал ребенком, делясь своими ранними музыкальными воспоминаниями. «Я хотел бы уметь играть на пианино, — сказал он публике, имитируя детский голос. — Но я не умею на нем играть. Все выглядит иначе. Ему три года. И пианино казалось огромным. М-м-м... может, я просто посмотрю телевизор». Он запрыгнул на свое пианино и изобразил, будто ест попкорн перед телевизором.

«Папа идет. Мне запрещено его трогать, а я ужасно хочу поиграть... А вот и папа. Они с мамой разводятся». Тогда он добавил еще одного персонажа, будто его папа был в комнате. «На самом деле я был счастлив видеть, как он уходит... мне было всего семь. Но теперь я могу играть на пианино, когда захочу». Принс заколотил по клавишам несколько аккордов оригинальной темы из «Бэтмена».

«Я не умею играть на пианино, как папа, — сказал Принс. — Как же он это делал? Дайте подумать... Я хотел бы уметь петь». Он добавил: «Я думал, что никогда не смогу играть, как мой папа, и он никогда не упускал возможности напомнить мне об этом. Но мы неплохо ладим. Он был моим лучшим другом». Они по очереди играли песню Рэя Чарльза Unchain My Heart.

До этого шоу было трудно представить себе Принса, произносящего что-то столь откровенное на сцене. В тот вечер в его репертуаре прозвучало: «Иногда я чувствую себя ребенком, лишенным матери» — традиционное духовное выражение, которое в какой-то мере было выражением тоски по исчезнувшему миру его родителей. Он был «далеко от дома», пел он, «иногда мне кажется, что я почти ушел».

Вероятно, самое открытое проявление меланхолии пришло позже вечером. «У скольких из вас бывают осознанные сны? — спросил он у публики. — Сейчас я люблю

Как только Принс сел за свое пианино в тот вечер, он начал своего рода регрессию потока сознания. Вдруг он снова стал ребенком, делясь своими ранними музыкальными воспоминаниями.

мечтать больше, чем раньше. Некоторые из моих друзей умерли, и я вижу их во сне. Как будто они здесь, и сны иногда похожи на реальность».

Есть что-то в этих строках, какое-то сочетание спокойствия и беспокойства, которое меня огорчает. Оглядываясь назад, легко придавать слишком большое значение этим вещам, но они кажутся мне мыслями человека, наполовину влюбленного в легкую смерть. Затем он спел первую строчку *Sometimes It Snows In April*, которая сама по себе была одной из самых пламенных его песен: «Tracy died soon after a long-fought civil war...»

ЗА СЧИТАННЫЕ ДНИ

до его самого первого сольного шоу и, возможно, самого эмоционального во всей его карьере Принс выбрал редактора своих мемуаров — Криса Джексона из Spiegel & Grau, импринта Random House. Ему понравилось, что Крис работал над *Decoded*, написанной Jay-Z. Не желая упускать момент, он привлек Криса, Тревора и Эстер с Дэнном из ICM, чтобы найти ему соавтора. Его бывший менеджер Джулия Рамадан однажды сказала ему: «Когда дойдет до истории твоей жизни, не позволяй никому держать за тебя перо». Казалось, что сейчас он готовился сделать все наоборот. Никто, и, возможно, сам Принс, не был уверен в том, как будет выстроен весь процесс.

Тут привлекли меня. Дэн Киршен, мой агент, знал о моем многолетнем восхищении Принсем. Он видел и плакат в моей спальне, и видел, как я пою *Kiss* в караоке-баре. Я показывал ему фильм-концерт *Sigh o' the Times*. А когда он сказал мне, что ему посчастливилось ис-

катель соавтора для Принса, он не был готов к тому, до чего я могу опуститься, моля его дать мне шанс побороться за эту возможность. Он согласился включить меня в список, но не стеснялся в выражениях: вероятность того, что я получу эту работу, находилась где-то между выигрышем в лотерею и выживанием после столкновения с астероидом. Во-первых, я не издал ни одной книги. В то время я был редактором The Paris Review, литературного журнала, который Принс вряд ли читал, а может даже не слышал о нем. Без сомнения, его самый продаваемый альбом нашел более широкую аудиторию, чем когда-либо имел Review. Мне было двадцать девять. И среди желающих поработать с Принсом были претенденты куда более достойные, чем я.

Но когда ICM и Random House выдвинули несколько громких кандидатов, Принс возразил. Он имел привычку читать обзоры своих шоу от непрофессионалов, особенно восторженные, которые поклонники твитнули или разместили в своих блогах. Это были люди, которых он считал достойными этой работы. Какими бы непроверенными они ни были, он вдохновил их писать. Может, и они могли бы помочь ему.

Как позже вспоминал один из помощников Принса, он смотрел на процесс сочинительства сквозь призму музыки: ему нужен был импровизационный партнер, тот, кому он мог бы открыться и с кем он мог бы организовать свою историю, как песню или альбом. Пока существует взаимопонимание, он скорее возьмет на себя роль преданного новичка, чем ветерана. Конечно, издатели откажутся от идеи нанять какого-нибудь фанатика-подростка, чьим единственным резюме была самоизданная концертная рецензия. В виде компромисса он вернул список потенциальных соавторов и исключил все, кроме двух имен, одним из которых было мое. Мы были единственными, кто никогда не издавал книг.

Дэн сказал, что Принс взял мой номер телефона. Звонок может раздаться совсем неожиданно, днем или но-

Как позже вспоминал один из помощников Принса, он смотрел на процесс сочинительства сквозь призму музыки: ему нужен был импровизационный партнер, тот, кому он мог бы открыться и с кем он мог бы организовать свою историю, как песню или альбом.

чью. И я начал спать с телефоном у подушки и установил пронзительный рингтон. Я практиковался в приветствии, сглаживая любые намеки на восклицания, которые прокрадывались в мой голос, и старался говорить как можно более беззаботно. «Привет, Принс». «Здравствуй, Принс». «А, это Принс? Привет. Рад слышать тебя».

Но звонка так и не последовало. Вместо этого Тревор придумал задание. Мы, потенциальные соавторы, должны были представить Принсу личные заметки о нашем отношении к его музыке и о том, почему мы думаем, что сможем выполнить эту работу. Свою я отправил в 8:30 вечера того же дня.

Назвать это задание тяжелым было бы лестью. Там были моменты, которые сегодня я написал бы иначе, если бы у меня была такая возможность. Конечно, это не предназначалось для чужого взора, только для Принса. Вот кое-что из того, что я написал:

«Когда я слушаю Принса, у меня возникает такое чувство, будто я нарушаю закон... Впервые я услышал его, когда ехал один в Балтиморе. Я включил радио и услышал, как мужчина поет о своем желании быть женщиной, обнажая эту грубую психосексуальную потребность лучше понять свою девушку, — и это сорвало мне крышу. For you naked I would dance a ballet. Это было самое деликатное, необычное, честное и опасное музыкальное произведение, которое я когда-либо слышал. Я даже ожидал, что меня попросят съехать на обочину, если кто-нибудь заметит, что я слушаю это так внимательно...»

Если Принс хочет написать книгу, то я хочу помочь ему сделать это: наложить его голос на страницы... Я бы рассматривал этот проект продолжения песенного творчества не как своего рода журналистику или интервью, а как шанс найти новый способ общения со своей аудиторией и за ее пределами. Люди могут спросить: не слишком ли он неуловим для того, чтобы попасть на бумагу? Существует мысль, что нон-фикшн разрушает таинственность автора — но когда это сделано хорошо, это делает тайну еще

Принс объяснил, почему он остался жить в Миннесоте, в то время как его коллеги предпочли жить на побережьях: «Там настолько холодно, что плохие люди туда не суются».

более глубокой. С момента моей первой встречи с Принсем на звуковых волнах в Балтиморе я знал, что он мастер рассказывать истории. Восторженный, неподражаемый оригинал — помочь ему рассказать его истории новым способом было бы честью, которая выпадает лишь раз в жизни».

Тревор ответил меньше чем через двадцать часов, в 2:23 ночи. «Может ли Дэн Пайпенбринг встретиться с PRN в пятницу вечером (завтра) в Пейсли Парк?» — написал он Дэну и Эстер.

Дэн, который привык к Пейсли-коммюнике и приходил на работу рано, быстро прочитал записку и мерил шагами свою квартиру, пока не взошло солнце. Потом он продолжал звонить мне, пока я не проснулся. Я закричал от радости. И он закричал тоже. На следующее утро, 29 января, я уже летел в Миннеаполис.

В 1996 ГОДУ НА ИНТЕРВЬЮ С ОПРОЙ

Принс объяснил, почему он остался жить в Миннесоте, в то время как его коллеги предпочли жить на побережьях: «Там настолько холодно, что плохие люди туда не суются». Конечно же, когда я приземлился, на земле лежал толстый слой снега, и там не было не то что плохих людей — казалось, что вокруг вообще никого не было.

Водитель Принса Ким Пратт забрала меня из аэропорта на большом черном «Эскалейде». На ее руке был пластиковый бриллиант размером с кольцо-леденец. «Иногда нужно добавлять немного женственности», — сказала она.

До встречи в Пейсли Парк оставалось еще несколько часов — казалось, никто не знал точно, сколько, поэтому Ким высадила меня в Country Inn & Suites, в абсолютно не примечательном сетевом отеле в Шанхассене, который фактически служил подстанцией Пейсли. Один из помощников Принса сказал мне, что он прожил там так много лет, что сломал горизонтальный велотренажер в фитнес-центре отеля. Очевидно, Принс уже столько заплатил за местные номера, что вполне мог купить это место уже раза четыре.

Я был «на связи» до следующего звонка. Мне казалось, что я присоединяюсь к длинной и именитой веренице людей, которых Принс заставил ждать. Людей, которые сидели в номерах этого же отеля, возможно даже, в этом самом номере, тихо сходя с ума — так же, как это делал я. Я включил телевизор. Я выключил телевизор. Я пил мятный чай. Окна моей комнаты выходили на выбеленную солнцем черепицу, сосну и заброшенную лестницу. Поскольку я знал, что фотографии были строго запрещены в Пейсли, я сделал фотографию этого вида вместо них.

Около 18:30 Ким прислала сообщение, что едет за мной. Пи — все в Пейсли Парке, как я потом узнал, его звали Пи — был готов со мной встретиться.

Солнце уже село, и я впервые увидел Пейсли в вечернее время. Со стороны он выглядел неприятно. Когда Ким подъехала к нему, он был освещен фиолетовой подсветкой, и я скорее бы поверил, что это региональная штаб-квартира оборонного подрядчика или демонстрационный зал для пластмассовых изделий. Вокруг него почти ничего не было — я никогда не мог полностью оценить, насколько он изолирован. Я признался Ким, что нервничаю, что мое сердце бешено колотится. Она отшутилась.

«Все будет хорошо», — сказала она, припарковавшись напротив комплекса.

Моя правая рука замерзла. Помня о том, что Принс, возможно, скоро будет ее пожимать, я сел на нее, чтобы согреть.